

Пролог

*Вторник на Масленой неделе,
последний день перед Великим постом, март 1006 года
Кельн, Уилтшир*

Этельред стоял на коленях, схватившись за голову, тяжело склоненную под бременем короны и совершенных им грехов. Откуда-то сверху раздался колокольный звон, сзывавший к вечерней молитве, и от этого звука его руки и ноги вдруг задрожали помимо его желания.

Его охватила знакомая ненавистная апатия, и, несмотря на то что он стремился держать голову опущенной и глаза закрытыми, некая сила, намного более властная, чем его собственная воля, заставила его поднять взгляд вверх. Воздух перед ним сгустился и стал черным и трепещущим, как гладь воды под порывом ветра. Грудь пронзила острая боль, и мир вокруг него исчез — он содрогнулся от ледяного холода мрачного предчувствия. Стихи также и все звуки, и теперь он ощущал лишь холод, боль и темноту, которые воплотились перед ним в фигуру человека.

Или в то, что когда-то было человеком. На горле его и груди, словно десятки жаждущих ртов, зияли страшные раны, искромсанная одежда была окрашена запекшейся кровью в багровые цвета, а на мертвенно бледном лице отчетливо виднелась зловещая печать смерти. Зыбкая тень убитого брата двинулась

к нему, вырвавшись то ли из ворот рая, то ли из входа в преисподнюю — кто знает? С губ призрака не сорвалось ни звука, но король, чувствуя его враждебность ко всему живому, отпрянул назад от страха и отвращения.

И все же он не мог оторвать от него глаз. Мрачное видение не отпускало его, а когда оно наконец начало таять, за ним он разглядел еще одну фигуру — тень позади тени. Темная, неясная, расплывающаяся в темноте, она ненадолго зависла в сгустившемся воздухе, а затем, как и первая, исчезла.

Оправившись от наваждения, он снова услышал звон вечерних колоколов и неясное бормотание молящихся, почувствовал медовый запах горящих свечей и на фоне его — резкое зловоние собственного пота. Он вновь схватился за свою голову в золотом венце, но на этот раз она поникла под бременем мучительного страха перед ужасным предзнаменованием.

1006 от Р. Х.

В этот год Эльфех был рукоположен в архиепископы; Вульфех и Уфгет были ослеплены; элдормен Эльфхельм был умерщвлен...

Англосаксонские хроники

Глава 1

*Март 1006 года
Вблизи Келна, Уилтшир*

Поднявшись на гребень холма над обширным королевским поместьем, где король обосновался на время Великого поста, королева Эмма натянула поводья и остановила свою белую кобылу. Позади нее свита из тридцати мужчин, женщин и детей, тепло одетых из-за пронизывающего холодного ветра, также остановилась, давая отдых своим лошадям после долгого подъема. Перед ними внизу на склоне виднелись серая крыша и золоченый фронто́н большого королевского поместья, на фоне которого окружающие строения и частокол казались просто игрушечными. Поместье это знаменовало собой конец их путешествия, и Эмма смотрела на него с большим облегчением, поскольку день клонился к вечеру, а люди ее очень устали. Пока она рассматривала оставшуюся часть пути, сквозь складки туч на небе пробился луч солнца, озарив золотистым светом раскинувшиеся перед нею поля. Темная пашня была покрыта тонкой зеленой пленкой — молодыми побегам, обещающими хороший урожай в последующие месяцы, если Господь будет милостив к ним.

«Но похоже, что Бог отвернулся от Англии», — подумала Эмма. Вот уже два года за многообещающими веснами следовало безнадежно дождливое лето, в результате чего урожай

был скудным и еды не хватало ни людям, ни животным. Прошлой зимой на их земли пришли голод и смерть, и, если и в этом году не удастся собрать обильный урожай, в королевстве снова умрут еще многие из самых бедных людей.

Она делала что могла, раздавая подаяние всем, до кого могла дотянуться, и присоединяя свой голос к отчаянным мольбам о милости Божьей. Сейчас, глядя на озаренную золотым светом зеленую долину, она молилась, чтобы ее последнее обращение к Небесам — паломничество, которое она совершила к местам захоронения самых почитаемых английских святых, — смогло в конце концов вернуть благословение Господне королевству Этельреда.

Она огляделась по сторонам, и взгляд ее скользнул мимо паланкина между двумя лошадьми, где ехал ее сын со своей кормилицей, в поисках трех падчериц. Вульфхильда, которой было лишь восемь зим, спала на руках слуги, ехавшего в седле за ней. Эльфа сидела на коне, закутавшись в складках своей мантии. Двенадцатилетняя Эдит, самая старшая, угрюмо смотрела на главное здание поместья, хмурая бледное лицо под меховым капюшоном накидки.

Эмма мысленно упрекнула себя за то, что так подгоняла их, поскольку они находились в пути с самого рассвета. Она обернулась в седле, чтобы дать команду своей свите трогаться вперед, но в этот момент ветер внезапно резко изменил направление и ударил ей прямо в лицо. Ее кобыла нервно пошла боком, и, пока она пыталась управиться с лошадью, на нее налетел новый порыв, словно могучая рука, которая гнала ее прочь отсюда.

Она ощутила странное предчувствие беды, засевшее где-то в затылке, и искоса взглянула навстречу ветру, пытаясь найти источник своей тревоги. На мачте, высившейся над колокольней поместья, развевался флаг Уэссекса с изображением дракона, который возвещал о присутствии здесь короля. Должно быть, он прибыл, чтобы встретить ее, — впрочем, все не из-за любви или привязанности, поскольку ни того ни другого к ней не испытывал. Этельред был в большей степени